

Л. Н. Толстой въ казанскомъ университетѣ.

Какъ извѣстно, Л. Н. Толстой очень рано остался сиротой. Матери своей онъ почти не помнилъ, а отца лишился, едва начавъ входить въ отрочество. Съ этого момента сироты графы Толстые поступаютъ подъ опеку сначала одной «тетушки», а потомъ другой, — сестеръ ихъ отца, умершаго въ 1837 году. Вторая тетушка, Пелагея Ильинишна, была замужемъ за казанскимъ помѣщикомъ Юшковымъ, — и въ этомъ обстоятельствѣ заключалась причина, почему 13 лѣтній Л. Н. Толстой очутился въ Казани, переѣхавъ сюда вмѣстѣ со своими старшими братьями въ домъ «тетушки» Юшковой. Это произошло въ 1841 г. Самый старшій изъ юныхъ графовъ Толстыхъ, Николай, тогда уже студентъ московскаго университета, перешелъ въ означенномъ году въ Казанскій, въ который въ 1843 поступили и слѣдующіе за Николаемъ братья — Сергѣй и Дмитрій и на то же, какъ онъ, 2-е отдѣленіе философскаго факультета, т.-е. на математическій факультетъ. По ходу событій, естественно, въ казанскій же университетъ долженъ былъ поступить и самый младшій изъ братьевъ Толстыхъ — Левъ Николаевичъ, но такъ какъ исходнымъ моментомъ этихъ событій — переѣзда Толстыхъ въ Казань и поступленія братьевъ Льва Николаевича въ Казанскій университетъ — явились печальныя для этой семьи случайности — смерть сначала отца, а затѣмъ и первой опекунши, «тетушки» Александры Ильиничны, — то, слѣдовательно, и поступленіе Льва Николаевича въ казанскій университетъ можно трактовать, какъ одну изъ многихъ случайностей его жизни. Была ли эта случайность печальной? Это зависитъ отъ взгляда, который будетъ, разумѣется, тѣмъ правильнѣе, чѣмъ безпристраст-

нѣ мы изучимъ вопросъ о пребываніи Л. Н. Толстого въ казанскомъ университетѣ. Напомнимъ съ самаго начала, что самъ Л. Н. Толстой полагалъ, что Казанскій университетъ явился скорѣе помѣхой его умственнымъ запросамъ и интересамъ, чѣмъ помощникомъ въ исканіи имъ путей къ научной истинѣ,—значить полагалъ, что казанскій университетъ былъ печальной случайностью въ его, Л. Н. Толстого, жизни. Такъ ли это? Если такъ, то кто былъ виноватъ въ этомъ: университетъ ли былъ ниже того, что предъявлялъ ему Левъ Николаевичъ или самъ юный графъ, не понявъ настоящаго назначенія высшей научной школы, не сумѣлъ изъ казанскаго университета взять то, что онъ могъ дать и что онъ дѣйствительно давалъ всѣмъ, не предъявлявшимъ къ нему какихъ-либо фантастическихъ требованій. Всмотримся повнимательнѣе въ тѣ фактическія данныя, которыя имѣются въ нашемъ распоряженіи для рѣшенія поставленнаго нами вопроса. Этотъ вопросъ, въ сущности распадается на два: 1) каковъ былъ въ 40-хъ годахъ XIX вѣка казанскій университетъ, какъ разсадникъ науки и просвѣщенія, и 2) каковъ былъ тогда самъ Л. Н. Толстой, какъ умственная и моральная личность.

О казанскомъ университетѣ 40-хъ годовъ.

Отъ нач. 30-хъ г.г. до 1848 г. казанскій университетъ, какъ и другіе русскіе университеты, напр. московскій и петербургскій, не находился въ упадкѣ. Скорѣе напротивъ, потому въ особенности, что время съ 1827 г. (24 февраля) по 1845 г. (18-е апрѣля) было эпохой попечительства Мусина-Пушкина, сыгравшаго для казанскаго университета роль, хотя въ иныхъ личныхъ и бытовыхъ тонахъ, но аналогичную съ тою, какая еще болѣе прославила гр. Строганова въ его отношеніи къ московскому университету. Съ рѣзкимъ отпечаткомъ суровой николаевской школы, крутой и прямолинейный, Мусинъ-Пушкинъ былъ человѣкомъ благороднымъ, искренно преданнымъ тому дѣлу, къ которому былъ представленъ; онъ въ точномъ, прямомъ смыслѣ понималъ свою должность и являлся дѣйствительнымъ попечителемъ надъ казанскимъ университетомъ, былъ постояннымъ ходатаемъ за его, дорогіе для попечителя, интересы предъ высшею властью. Это были интересы науки и преподаванія. При благожелательномъ и энергичномъ попечителѣ они удовлетворялись немедленно. Университетъ устраивался и внѣшне и внутренне: строились новыя зданія для научныхъ и учебновспомогательныхъ учреждений, основывались новыя кафедры, приглашались достойные преподаватели. И вотъ прошло немного лѣтъ послѣ мракобѣсной эпохи

Магницкаго, какъ казанскій университетъ подъ нефальшивымъ попечительствомъ Мусина-Пушкина всталъ высоко во мнѣніи общества. Не удивительно и то, что именно со времени попечительства Мусина-Пушкина въ средѣ членовъ самого университета стало быстро крѣпнуть сознаніе собственнаго достоинства, какъ служителей чистой науки и руководителей учащагося юношества на этомъ трудномъ, но по своимъ конечнымъ цѣлямъ благодарномъ пути.

При всей казарменной строгости николаевского царствованія, даже больше—при извѣстной недовѣрчивости его къ уметственному прогрессу, подчасъ весьма нервно выражавшейся,—до 1848 г. университетская наука и преподаваніе не были придавлены, особенно тамъ, гдѣ они находились подъ попеченіемъ такихъ представителей николаевской эпохи, какъ гр. Строгановъ и Мусинъ-Пушкинъ. Университетскимъ дѣятелямъ можно было дышать сравнительно свободно,—разумѣется, въ предѣлахъ, которые вполне опредѣленно очерчивались формой правленія и общими «видами правительства»,—въ предѣлахъ, ни на минуту не забывавшихся самыми лучшими, самыми учеными и талантливыми преподавателями русскаго университета. Такихъ преподавателей въ казанскомъ университетѣ тогда была цѣлая плеяда, дѣлавшая его университетомъ въ точномъ смыслѣ этого слова, несмотря на то, что въ немъ же не мало было и иного типа «крепцовъ науки», людей посредственныхъ, даже прямо бездарныхъ или отставшихъ отъ научнаго движенія, опустившихся, дававшихъ много пищи лишь студенческому юмору... Достаточно вспомнить о Н. И. Лобачевскомъ, который, какъ ученая величина, конечно, стоялъ во главѣ выдающихся знаній и талантами представителей казанскаго университета 40-хъ годовъ. Значеніе великаго геометра начали сознать тогда же и не гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ, а въ казанскомъ университетѣ, гдѣ превосходный профессоръ прикладной математики Котельниковъ въ актовъ рѣчи 1842 г. «О предубѣжденіи противъ математики») заявилъ:... «не могу умолчать о томъ, что тысящелѣтнія тщетныя попытки доказать со всюю математическою строгостью одну изъ основныхъ теоремъ геометріи, равенство суммы угловъ въ прямолинейномъ треугольникѣ двумъ прямымъ, побудило достопочтеннаго заслуженнаго профессора нашего университета предпринять изумительный трудъ построить цѣлую науку, геометрію, на новомъ предположеніи: сумма угловъ въ прямолинейномъ треугольникѣ менѣе двухъ прямыхъ—трудъ, который рано или поздно найдетъ своихъ цѣнителей» ¹⁾.

¹⁾ Обзорѣніе преподаваній въ Импер. Каз. Унив. за 1842—43 уч. г. Казань. 1842 г., стр. 18. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ Казани

Кромѣ названныхъ профессоровъ, на 2-мъ отдѣленіи философскаго факультета въ рассматриваемое время находилось еще нѣсколько видныхъ ученыхъ, какъ-то: профессора астрономіи Симоновъ, химіи Зининъ и др. Въ 1 отдѣленіи философскаго факультета, въ частности на разрядѣ восточной словесности, куда поступилъ Левъ Николаевичъ, тоже имѣлись выдающіяся ученія и преподавательскія силы. На разрядѣ общей словесности преподавали такіе знающіе и способные люди, какъ профессоръ—русской словесности Карлъ Фойгтъ, римской—Благовѣщенскій, стяжавшій себѣ впослѣдствіи рѣдкую въ исторіи русскаго классицизма почетную извѣстность—не компиляціями, а оригинальными трудами; наконецъ въ первомъ отдѣленіи въ 40-хъ годахъ гремѣлъ профессоръ Н. А. Ивановъ, обладавшій солидными знаніями, какъ въ философіи, особенно въ новой нѣмецкой, такъ и въ исторіи, особенно въ Русской,—которая собственно и сдѣлалась его главною спеціальностью, читавшейся имъ и на юридическомъ факультетѣ; профессорскіе успѣхи Н. А. Иванова обусловливались не только его знаніями, но и большимъ ораторскимъ дарованіемъ, которое наиболѣе ярко развертывалось у него въ преподаваніи имъ именно Русской исторіи. Но при всемъ томъ это былъ историкъ старой школы, образцомъ которой въ Россіи былъ Карамзинъ: Н. А. Ивановъ краснорѣчиво рассказывалъ объ историческихъ лицахъ, въ особенности царствовавшихъ, и о «достопамятныхъ событіяхъ», замѣняя истинное воодушевленіе искусственнымъ паэосомъ и риторической декламаціей. На разрядѣ восточной словесности, которая въ первую голову привлекла къ себѣ вниманіе Льва Николаевича, онъ встрѣтилъ такихъ знатоковъ разныхъ отдѣловъ этой отрасли филологіи, какъ Осипъ Ковалевскій—по монгольскому языку, Мирза-Александръ Каземъ-Бекъ—по арабскому и персидскому языкамъ, Илья Березинъ по турецкому языку и литературѣ, пріобрѣвшій крупное имя въ ученомъ мірѣ и др. Юридическій факультетъ, куда Левъ Николаевичъ черезъ годъ перешелъ съ I отдѣленія философскаго факультета, былъ слабѣе, но и на немъ были знающіе и даровитые преподаватели, помимо историка Иванова. Таковы: Станиславскій, спеціалистъ по энциклопедіи законовѣдѣнія, —профессоръ, о которомъ съ уваженіемъ вспоминали его слушатели даже 70-хъ годовъ; Евграфъ Осокинъ, большой знатокъ исторіи финансовыхъ учреждений въ Россіи,

заслуги Н. И. Лобачевского понимающимъ дѣло ученымъ были оцѣнены раньше и опредѣленнѣе, чѣмъ за границей, гдѣ нѣмецкій математикъ Гауссъ лишь въ 1846 г. высказался, хотя и съ существенной оговоркой, въ пользу Лобачевского (Сравни А. В. Васильевъ. «Николай Ивановичъ Лобачевскій», СПб., 1914 г., стр. 93—95).

труды котораго въ этой области не потеряли значенія и до сихъ поръ, Горловъ, впослѣдствіи профессоръ политической экономіи петербургскаго университета, профессоръ, котораго, впрочемъ, за отъѣздомъ его въ заграничную командировку, Л. Н. Толстой не могъ слушать; но особенно, Дмитрій Ив. Мейеръ, одинъ изъ создателей русскаго гражданскаго права, какъ научно-юридической дисциплины, читавшій этотъ предметъ такъ увлекательно, что лекторъ, а вмѣстѣ съ нимъ и его наука приобрѣли полное признаніе у лучшей части тогдашнихъ студентовъ-юристовъ.

Но въ казанскомъ университетѣ 40-хъ годовъ была еще преподавательская сила на факультетѣ, кругъ наукъ котораго никогда не пользовался особымъ вниманіемъ Л. Н. Толстого,—на медицинскомъ; эта сила—профессоръ анатоміи Евменій Филиппов. Аристовъ. Вліяніе этого профессора однако не ограничивалось медицинскимъ факультетомъ: оно было настолько сильно, что захватывало все казанское студенчество, покоренное не только обаятельнымъ лекторскимъ талантомъ Аристова, но и всею его личностью, въ высшей степени самобытною, представлявшею рѣдкое гармоническое сочетаніе широкаго, философски настроеннаго, ума съ непоколебимо-твердымъ характеромъ,—сочетаніе вдохновеннаго слова съ живымъ дѣломъ. Многочисленные ученики Е. Ф. Аристова сохранили о немъ самыя восторженные воспоминанія, какъ о высокоодаренномъ учителѣ не только основной науки медицинскаго факультета,—анатоміи,—но и жизни. Онъ училъ прежде всего, какъ выразился одинъ изъ его учениковъ, «могучимъ словомъ»; подъ животворнымъ дѣйствіемъ этого слова анатомія становилась для слушателей самою интересною, самою значительною изъ всѣхъ наукъ, «сдѣлалась», говоритъ современникъ-очевидецъ, «любимѣйшею наукою студентовъ всѣхъ факультетовъ», вслѣдствіе чего «многіе записавшіеся филологами или юристами, послѣ первой же лекціи Е. Ф. Аристова дѣлались медиками». Преподаваніе Аристова отличалось необыкновенной наглядностью, простотою и образностью, почему научные факты и выводы, даже «самыя глубокія мысли» сами собою укладывались въ головы слушателей—именно благодаря, какъ вспоминалъ одинъ изъ его учениковъ, «примѣрамъ и доказательствамъ, взятымъ смѣлою рукою изъ простой обыденной жизни, которая являлась теперь изумленнымъ слушателямъ такой глубокой». Объективнымъ подтвержденіемъ такого рода отзывамъ о преподаваніи Аристова, «возбуждавшемъ» (по словамъ того же слушателя-ученика) «необъятную жажду знанія, беззавѣтную преданность наукѣ, истинѣ», можетъ до извѣстной степени служить актовая рѣчь этого профессора, произнесенная

имъ на торжественномъ собраніи университета въ 1846 году, т. е. осенью того учебнаго года, который былъ послѣднимъ годомъ пребыванія Л. Н. Толстого въ казанскомъ университетѣ.

Трудно было бы профессору анатоміи придумать что-либо болѣе занимательное для большой публики, чѣмъ та тема, съ которою Е. Ф. Аристовъ выступилъ на годичномъ актѣ: онъ трактовалъ о значеніи внѣшности человѣка», и для своего времени трактовалъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ весьма оригинально и эффектно. Выступая предъ публикой въ качествѣ представителя анатоміи, Е. Ф. Аристовъ заявилъ: «Не смущайтесь. Вы привыкли воображать анатомію обрызганною кровью, съ ножомъ въ рукѣ, молчаливо, какъ гробовой червь, роющаюся въ трупѣ; совсѣмъ не въ этомъ видѣ она теперь явится передъ вами: теперь вы увидите ее въ общей всѣхъ наукъ мантии, и притомъ рука объ руку съ Религіей, Философіей». И, дѣйствительно, Аристовъ представилъ своимъ слушателямъ изложеніе вопроса съ самыхъ общихъ точекъ зрѣнія, намѣчая, какъ причины разнообразія тѣлосложной и вообще «внѣшности» человѣка и народовъ, такъ и результаты вліянія физическаго строенія человѣческихъ разновидностей на ихъ психологію; все это онъ разсматривалъ въ связи съ представленіемъ о космическомъ процессѣ, о дѣйствіи въ немъ концентрической и эксцентрической механическихъ силъ. Исходя изъ свойственныхъ его эпохѣ натуръ-философскихъ обобщеній, Аристовъ говоритъ много такого, что въ настоящее время кажется совсѣмъ архаическимъ, но въ объясненіи «происхожденія племенныхъ формъ» онъ кидастъ свѣтлую мысль объ естественномъ половомъ подборѣ¹⁾. Эту мысль Аристовъ рекомендуетъ, какъ «гипотезу», подчѣркивая только слѣдующее неоспоримое положеніе: «Вѣроятно только то», говоритъ онъ, «что типичная форма до сихъ поръ не истребима безъ смѣшенія крови». Разсматривая вопросъ о взаимномъ отношеніи между тѣлесной и душевной организаціями, Аристовъ, какъ естествовѣдъ, стоитъ на матеріалистической почвѣ, утверждая, что «совершенство душевныхъ способностей зависитъ отъ совершенства тѣла»¹⁾.

¹⁾ ... «Согласимся», говоритъ онъ, «что сначала было только одно семейство людей. Въ этомъ семействѣ положимъ, довольно многочисленнымъ, родились разной красоты члены. Натурально, что сходнѣйшіе по красотѣ и сложенію, а слѣдовательно по склонностямъ и характеру, вновь родились уже только между собой; точно также, какъ и менѣе красивые, по тому же сходству въ наклонностяхъ и вкусахъ, образовали новыя семейства только между собою. Эти семейства, составившись изъ членовъ, сходныхъ между собою формами, по общеизвѣстнымъ законамъ вѣрнѣе передавали свои родовыя формы дѣтямъ и по мѣрѣ размноженія больше и больше упрочивали ихъ въ своемъ кругу» и пр. (стр. 14).

²⁾ «Если, даже, разсуждаетъ авторъ, мы дѣйствуемъ лично психологическими или моральными средствами, и чрезъ это приучаемъ человѣка

Е. Ф. Аристовъ.

Въ заключеніи своей рѣчи ораторъ не безъ нѣкотораго раздраженія относится къ тѣмъ, которые, по его словамъ, «помѣшались на мысли, что природа наша совершенствуется отъ однихъ психическихъ вліяній», которые «думаютъ, что только литература, философія, исторія и т. под. несутъ человѣчество къ его высокой цѣли»... Въ глазахъ Аристова эта цѣль была ясна—совершенствованіе человѣка, къ ней ведутъ многіе пути, и однимъ изъ нихъ является «улучшеніе общественнаго быта»... «Почему? Потому, поясняетъ Аристовъ, что съ улучшеннымъ бытомъ представляется обществу болѣе здоровья, а во цвѣтѣ здоровья цвѣтеть умъ». (стр. 18). ¹⁾ Стало быть и въ этомъ случаѣ главный путь къ совершенствованію человѣка—совершенствованіе его тѣла, къ чему наилучшимъ средствомъ, разумѣется, являются физическія упражненія.

Мы нѣсколько остановились на рѣчи Е. Ф. Аристова, ибо, помимо внутреннихъ и внѣшнихъ достоинствъ ея, самая тема должна была заинтересовать Л. Н. Толстого, тогда и долго спустя придававшего такое громадное значеніе человѣческой «внѣшности», такъ остро чувствовавшего несовершенство своей собственной наружности. Да и вообще Е. Ф. Аристовъ, начавшій свою преподавательскую дѣятельность въ казанскомъ университетѣ въ 1839 г. и въ пору студенчества Л. Н. Толстого бывший въ полномъ расцвѣтѣ своихъ духовныхъ силъ, этотъ чародѣй-профессоръ, высокій и сухощавый, съ львиной гривой на головѣ, съ тихимъ, но отчетливымъ и проникновеннымъ голосомъ, становившимся все звучнѣе и обаятельнѣе по мѣрѣ того, какъ профессоръ увлекался теченіемъ своей гибкой и сильной мысли и научными образами, возникавшими въ его воображеніи,—могъ находиться въ числѣ наиболѣе вліятельныхъ университетскихъ учителей и для Л. Н. Толстого, какимъ онъ былъ для многихъ другихъ студентовъ того времени—не медицинскаго только факультета; ибо Е. Ф. Аристовъ въ казанскомъ университетѣ 40—50-хъ годовъ былъ тѣмъ же самымъ, чѣмъ былъ Грановскій въ то же время въ московскомъ университетѣ—не только умственной, но и высокой моральной величиной, совѣстью уни-

лучше и сильнѣе выражать дѣйствія души, то и отъ этого упражненія все что измѣняется въ двоякой природѣ человѣка, это его тѣло. Анатомическія наблюденія какъ нельзя яснѣе доказываютъ униженіе матеріальнаго достоинства органовъ отъ бездѣйствія; и, наоборотъ, улучшеніе качества и облагороженіе матеріи въ органѣ отъ упражненія. А ежели такъ, ежели и самыя нематеріальныя вліянія совершенствуютъ нашу природу только потому, что улучшаютъ матеріальный составъ нашъ, то вліянія матеріальныя, какъ прямѣе и сильнѣе дѣйствующія на наше тѣло, должны способствовать къ усовершенствованію нашей природы еще болѣе» (стр. 13).

¹⁾ Обзорніе преподаваній въ Импер. Каз. Ун-тѣ на 1846—1847 уч. годъ. Казань. 1846 г.

верситета. Можно сказать даже больше: Аристовъ въ моральномъ отношеніи стоялъ на очень рѣдкой высотѣ.

Выйдя изъ народа, сынъ дьячка, одинъ «какъ перстъ», безъ протекціи, исключительно при помощи одного личнаго труда и таланта взойдя на университетскую кафедру, Аристовъ и на ней остался одинокой, оригинальной фигурой, всю надежду возложивъ опять-таки на себя—на свой трудъ, и на свою, вдохнотворяемую недюжиннымъ дарованіемъ, любовь къ наукѣ; вѣрность своему долгу, честная, неподкупная прямота въ отношеніяхъ съ людьми—вотъ немудрая программа, которой Е. Ф. Аристовъ слѣдовалъ въ своей университетской службѣ. Это былъ человѣкъ, вся жизнь котораго была самоотверженіемъ на пользу любимаго имъ дѣла; это отчасти признавала за нимъ и учебная администрація, вообще недолголюбивавшая его за рѣзкую прямоту, но по временамъ отдававшая ему должное, а въ эпоху попечительства Мусина-Пушкина выразившая Аристову (отъ лица Министерства Народнаго Просвѣщенія) «признательность» «за отличное самоотверженіе и труды, оказанные имъ къ спасенію зданій и имущества учебного вѣдомства во время бывшихъ въ 1842 г. пожаровъ» въ Казани ¹⁾.

Разумѣется, тѣмъ болѣе находила откликъ самоотверженная дѣятельность Аристова на университетской кафедрѣ,—если не у начальства, то во впечатлительной душѣ учащейся молодежи. Студенчество прямо-таки боготворило своего анатома-гуманиста не только за превосходное преподаваніе анатоміи, но и за всю его жизнь, ибо онъ, сверхъ преподаванія, самою жизнью своей училъ молодыхъ поколѣнія жить и работать. Студенчество молодымъ своимъ чувствомъ улавливало на прекрасныхъ лекціяхъ анатоміи, что «такъ учить можетъ только человѣкъ, вся жизнь котораго есть самая высокая правда; уклониться отъ нея—значило для него не жить и не учить», какъ опредѣлили моральную природу Аристова любимѣйшій изъ его учениковъ, (проф. патологической анатоміи въ касанскомъ университетѣ А. В. Петровъ) ²⁾.

И разъ въ средѣ профессоровъ казанскаго университета 40-хъ годовъ находилась такая выдающаяся личность, какъ Е. Ф. Аристовъ, то тѣмъ болѣе нельзя говорить, что этотъ университетъ не могъ бы ничего дать Л. Н. Толстому. Нѣтъ, онъ ему могъ дать, кромѣ знатоковъ—специалистовъ по нѣкоторымъ предметамъ тѣхъ факультетовъ, на которые онъ записывался, еще великій примѣръ истиннаго профессора-учителя не только

¹⁾ Архивъ Каз. У-та, дѣло по Канц. Совѣта, № 80.

²⁾ Некрологъ Е. Ф. Аристова. Казань, 1875 г., стр. 8.

извѣстной отрасли знанія, но трудовой, проникнутой долгомъ и любовью къ ближнему, жизни.

И такъ, изъ казанскаго университета 40-хъ годовъ, при всѣхъ его недостаткахъ, при всѣхъ его, по нѣскольکو фельетонному выраженію историка, «Камбекахъ, Винтерахъ и имъ подобныхъ годахъ и магогахъ», ¹⁾ можно было учащемуся въ немъ вынести и знанія и идеалистическое настроеніе отъ приобщенія къ «высокому и прекрасному», настроеніе, доносимое нерѣдко, въ видѣ далекаго, но отраднаго и счастливаго воспоминанія, до глубокой старости.

Психологическій обликъ Л. Н. Толстого-юноши.

Природа надѣлила Л. Н. Толстого оригинальнымъ складомъ ума и характера. Умны и оригинальны были ближайшіе предки этого человѣка, его мать и отецъ его матери, кн. Николай Волконскій, воспроизведенный, говорятъ, въ образѣ старика Болконскаго въ «Войнѣ и мирѣ»; почему не мудрено, что и внукъ этого своеобразнаго, строптиваго и отчасти взбалмошнаго, но остраго и умнаго князя, гр. Л. Н. Толстой, не напомилавшій ни умомъ, ни характеромъ своихъ ближайшихъ предковъ по отцовской линіи, вышелъ не похожимъ на среднихъ людей, человѣкомъ необыкновеннымъ, который съ дѣтства казался характернымъ «чужакомъ», крайне притомъ самолюбивымъ и потому еще болѣе желающимъ поступать не такъ, какъ всѣ люди. Внѣшность мальчика, описанная потомъ самимъ Л. Н. Толстымъ, была некрасива, и это обстоятельство еще болѣе развивало природное самолюбіе, доводило его до болѣзненности. Наружностью нельзя было взять,—надо было брать какою-нибудь выдумкой, всякаго рода необыкновенными выходками, долженствующими произвести на окружающихъ то или другое сильное впечатлѣніе; отсюда эти изумительные поступки Толстого-отрока, то остригающаго себѣ брови, то задомъ входящаго въ комнату и кланяющагося тѣмъ же способомъ, откидывая голову назадъ и шаркая, то бѣгущаго до полного изнеможенія за тройкой, то выпрыгивающаго изъ окна съ высоты нѣсколькихъ саженъ. Чрезвычайно важно отмѣтить эту психологическую особенность Л. Н. Толстого, ибо въ весьма значительной мѣрѣ она объясняетъ то отношеніе къ университетской наукѣ, которое онъ усвоилъ себѣ во время пребыванія своего въ казанскомъ университетѣ. Природный оригинальный умъ Л. Н. Толстого соединился въ его жизни съ раннимъ сиротствомъ, слѣ-

¹⁾ Н. П. Загоскинъ. Студенч. годы Л. Н. Толстого «Историч. Вѣстн.», 1894 г., т. V, стр. 112.

довательно, съ раннимъ одиночествомъ, съ отсутствіемъ того, никакимъ другимъ незамѣнимаго руководства, которое ребенокъ получаетъ отъ попечительныхъ родителей,—въ отрочествѣ особенно отъ матери. Совпаденіе же отмѣченныхъ условий,—внутренняго и внѣшняго,—повлекло за собой раннее самоуглубленіе, развитіе склонности къ самоанализированью и философствованію,—наклонности, засвидѣтельствованной и сторонними указаніями, и самимъ Л. Н. Толстымъ, какъ въ его полуавтобіографическихъ повѣстяхъ о «дѣтствѣ, отрочествѣ и юности», такъ и въ прямыхъ біографическихъ сообщеніяхъ Л. Н. Толстого объ этихъ періодахъ его умственнаго и нравственнаго развитія. Эта склонность къ размышленію, дѣлавшая Л. Н. Толстого маленькимъ философомъ уже на зарѣ его жизни, однако не превращала его въ нелюдима, исключительно сосредоточеннаго на своихъ внутреннихъ переживаніяхъ. Это была всесторонняя, живая, общительная натура, и ничто человѣческое не было ей чуждо. При кипучести темперамента, Л. Н. Толстой съ отроческихъ лѣтъ за все принимался съ захватывавшимъ его увлеченіемъ, иной разъ переходившимъ всякія границы. Поэтому порывы углубленія въ самого себя, внутреннихъ оцѣнокъ своей собственнo й особы и другихъ, а также и разныхъ житейскихъ обстоятельствъ, у Л. Н. Толстого чередовались съ порывами необузданной веселости, откровеннаго общенія съ себѣ подобными, съ странными и причудливыми поступками, полубезсознательно разсчитанными на пріобрѣтеніе лестной для него славы. Самолюбіе и славолубіе весьма рѣзко были выражены у отрока и юноши—Толстого; отсюда—поразительная, нерѣдко заставлявшая его сильно страдать, застѣнчивость Л. Н. Толстого, вытекавшая изъ его тончайшей чуткости и равнодушія къ мнѣнію о немъ другихъ людей. Но любовь его къ ихъ одобренію была такъ велика, что онъ усиленіемъ воли побѣждалъ и свою, казалось, непреодолимую застѣнчивость, и нерѣдко допускалъ изумительные выходы «разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ». Удивительно ли, что мальчикъ съ такимъ характеромъ учился плохо? Ученіе было слишкомъ обыкновеннымъ, будничнымъ, а потому неинтереснымъ, скучнымъ дѣломъ. Толстой же съ отроческихъ лѣтъ жаждалъ необыкновеннаго, возвышеннаго и героическаго, способнаго потрясти человѣческіе умы и сердца. Поэтому онъ едва-едва подготовился къ поступленію въ университетъ при всей незначительности научныхъ требованій, съ которыми университетъ обращался тогда къ поступающимъ. Въ соотвѣтствіи указаннымъ двумъ основнымъ чертамъ личности Л. Н. Толстого,—т.-е. его склонности къ самоуглубленію, фило-

софствованію и склонности къ блистанію въ обществѣ—находятся и двѣ основныя стороны его жизни въ юношескую пору, въ которыхъ какъ нельзя лучше и отражался его психологическій обликъ. Л. Н. Толстой то вдумчиво анализируетъ свои страсти и поступки, стремится быть хорошимъ, пишетъ философскіе трактаты и составляетъ программы дальнѣйшей жизни и дѣятельности, то заботится лишь о томъ, чтобы быть *comme il faut*, съ страстнымъ увлеченіемъ предается всевозможнымъ веселостямъ, стремясь произвести впечатлѣніе въ обществѣ и совершенно не заботясь объ исполненіи своихъ прямыхъ, повседневныхъ и скучныхъ обязанностей. А такъ какъ то и другое времяпровожденіе идетъ рука объ руку, смѣшивается въ единую довольно-таки нервную безалаберщину, то въ результатъ получается разочарованіе, полное недовольство самимъ собой, изъ котораго Л. Н. Толстой и выходитъ на время чрезъ рѣзкую перемѣну жизненной обстановки. Первая сторона жизни Л. Н. Толстого въ изучаемыхъ предѣлахъ достаточно, кажется, иллюстрируется, напр., такими фактами, какъ его статья подъ заглавіемъ «О цѣли философіи», относящаяся къ 1846—47 уч. году (последнему году пребыванія его въ казанскомъ университетѣ), гдѣ философія опредѣляется такъ: «Человѣкъ стремится, т. е. человѣкъ дѣятеленъ. Куда направлена его дѣятельность? Какимъ образомъ сдѣлать эту дѣятельность свободной? Въ этомъ заключается цѣль философіи въ ея истинномъ значеніи. Другими словами: философія есть наука жизни». Сюда же относятся и разныя наброски на философскія темы: «О разсужденіи касательно будущей жизни», «Опредѣленіе времени, пространства и числа», «Методы», «Раздѣленіе философіи», «О симметріи и т. под.¹⁾ сюда же отнесемъ и тѣ бесѣды, которыя юный студентъ Л. Н. Толстой велъ съ окончившимъ университетскій курсъ (1845 г.) Н. Н. Буличемъ, тогда готовившимся къ профессурѣ по философіи. Эти бесѣды, или «серьезные разговоры», какъ ихъ впослѣдствіи называлъ старшій изъ собесѣдниковъ, Н. Н. Буличъ, происходили «въ комнатѣ» Л. Н. Толстого, жившаго у своей тетки, «возлѣ темныхъ хоръ» (такъ Н. Н. Буличъ опредѣляетъ мѣстоположеніе «комнатки») и касались, очевидно, разныхъ вопросовъ, но «всею больше» «философіи», въ особенности, повидимому, философіи Спинозы, которую «изучалъ» тогда Н. Н. Буличъ²⁾.

Размышлялъ въ то время Л. Н. Толстой не только о «цѣли

¹⁾ Біографія Л. Н. Толстого, составл. П. Бирюковымъ, второе изданіе, т. I, Москва. 1911 г., стр. 153 и 154.

²⁾ Проф. Е. А. Бобровъ. Замѣтки по исторіи русской литературы, просвѣщенія и культуры. Варшава. 1913 г., стр. 67 и 68.

философіи» и о назначеніи жизни человѣческой, въ частности своей, но и о женщинѣ, которая сильно волновала юношу, влюблявшагося въ красивыхъ барышень и одновременно страдавшаго отъ сознанія своей внѣшней непривлекательности. Л. Н. Толстой предчувствовалъ тѣ горькія разочарованія, которыя ждуть его на женолюбивомъ пути, вѣроятно, видѣлъ даже, какъ далеко онъ можетъ зайти по этому пути, и потому, останавливаясь на вопросѣ о женщинѣ, приходилъ къ крайне отрицательному воззрѣнію на нее, какъ бы защищая себя такимъ способомъ отъ той опасности, которая могла бы грозить ему съ этой стороны: «Смотри на общество женщинъ», увѣщевалъ юный философъ самого себя, «какъ на необходимую непріятность жизни общественной, и, сколько можно, удаляйся отъ нихъ». ¹⁾ Но это, очевидно, писалось со зла горя. Составленный Л. Н. Толстымъ въ то время идеаль человѣка—*un homme très comme il faut*—противорѣчилъ столь пессимистичному взгляду на женщинъ. Такому человѣку можно было обойтись безъ многоаго, въ томъ числѣ безъ вѣры въ Бога, которая у Л. Н. Толстого очень легко и рано, съ 15—16 лѣтъ (когда онъ началъ читать философскія книги) смѣнилась сознательнымъ невѣріемъ; но невозможно представить себѣ такого человѣка съ плохимъ французскимъ произношеніемъ, безъ длинныхъ, хорошо вычищенныхъ, ногтей безъ презрительной гримасы на лицѣ, долженствующей означать скуку, и безъ частаго и притомъ (неизбѣжно для человѣка *comme il faut*!) фатоватаго пребыванія въ женскомъ обществѣ.

Жизненная сторона такой сильной и страстной натуры, какою обладалъ Л. Н. Толстой, въ юношескіе годы его преобладала надъ «философскою», такъ сказать, стороною его личности, а потому вполне естественно, что онъ тяготѣлъ къ молодымъ людямъ изъ аристократическаго круга г. Казани; къ этому кругу до нѣкоторой степени принадлежалъ и Н. Н. Буличъ, танцовавшій, по его собственному показанію, вмѣстѣ съ Л. Н. Толстымъ на «губернскихъ балахъ»; но, конечно, не этотъ, серьезно преданный своимъ университетскимъ занятіямъ, знакомый Л. Н-ча былъ въ числѣ тѣхъ, съ которыми Л. Н. Толстой преимущественно проводилъ свое время, а тѣ молодые казанскіе аристократы, которые были преданы исключительно свѣтской жизни, «баликамъ» и др. подобнымъ увеселеніямъ. На всѣхъ остальныхъ людей, не удовлетворявшихъ его представленію о настоящемъ человѣкѣ его круга, Л. Н. Толстой смотрѣлъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Хорошей иллюстраціей этого презрѣнія ко всѣмъ,

¹⁾ Біографія Л. Н. Толстого, П. Бирюкова, I, 152.

кто не *comme il faut*, можетъ служить эпизодъ, случившійся все въ той же Казани, о которомъ сообщаетъ намъ самъ Толстой въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ. Однажды, уже проѣздомъ черезъ Казань на Кавказъ, Л. Н. Толстой шелъ по этому городу со своимъ старшимъ братомъ Николаемъ и, замѣтивъ на проѣзжавшей мимо долгушкѣ какого-то господина, опершагося руками безъ перчатокъ на палку, не утерпѣлъ, чтобы не оцѣнить его съ точки зрѣнія своего, «комъильфотнаго» идеала: «Какъ видно, что этотъ господинъ какая-то дрянъ», замѣтилъ юный, презрительно, по-свѣтски, настроенный «философъ». Братъ его Николай поинтересовался причиной такой оцѣнки.—«А безъ перчатокъ», былъ отвѣтъ Льва Николаевича. На столь категорическое заявленіе Николай Николаевичъ отвѣтилъ вопросомъ: «Такъ отчего же дрянъ, если безъ перчатокъ?»¹⁾ Этотъ вопросъ для Л. Н. Толстого не существовалъ, ибо въ тѣ далекія времена для него и для его свѣтскихъ пріятелей положеніе—«если безъ перчатокъ», то «дрянъ»—являлось аксіомой. Н. Н. Толстой, повидимому, былъ первымъ, который мягко потребовалъ у своего, хотя и младшаго, но заносчиваго, брата доказательствъ для этого положенія. Изложенные факты показываютъ, что Л. Н. Толстой въ юности представлялъ своеобразную психологическую величину. Особенности ея въ значительной мѣрѣ объясняютъ намъ, почему онъ не оправдалъ тѣхъ надеждъ, которыя, судя по его умственнымъ способностямъ, могли бы быть возложены на него, какъ на студента казанскаго университета, и почему самъ Л. Н. Толстой взглянулъ на свое пребываніе въ немъ какъ на даромъ, безъ пользы для него, потраченное время.

Л. Н. Толстой—студентъ и причины формальной неуспѣшности его въ учебныхъ занятіяхъ, заключающіяся въ немъ самомъ, а также въ семейнословныхъ и университетскихъ условіяхъ.

Фактическихъ данныхъ, непосредственно относящихся къ темѣ настоящей главы,—немного, ибо слишкомъ недолго Л. Н. Толстой состоялъ студентомъ казанскаго университета и слишкомъ мало проявилъ себя именно какъ студентъ. Эти данныя уже подверглись двумъ, болѣе или менѣе обстоятельнымъ, сводкамъ²⁾, и потому мы не станемъ приводить ихъ цѣликомъ, въ сыромъ видѣ, какъ это уже сдѣлано въ упомянутыхъ сводкахъ, а выбе-

¹⁾ Біографія Л. Н. Толстого, сост. П. Бирюковымъ, 176.

²⁾ Н. П. Загоскинъ. «Студенческіе годы Л. Н. Толстого», «Историч. Вѣстн.», т. V. 1894 г. и Біографія Л. Н. Толстого, составл. П. Бирюковымъ, I, 126—138.

ремъ изъ нихъ лишь то, что необходимо для характеристики Л. Н. Толстого, какъ студента.

Первый экзамень, который держаль Л. Н. Толстой въ казанскомъ университетѣ, съ цѣлью поступить на разрядъ восточной словесности, оказался не совсѣмъ удачнымъ, такъ какъ по исторіи, общей и русской, по статистикѣ и географіи Л. Н. Толстой получилъ по единицѣ у проф. О. М. Ковалевскаго и 2 по латинскому языку у проф. Фатера. Самъ Л. Н. Толстой впоследствии засвидѣтельствовалъ, что отрицательная оцѣнка познаній его на экзаменѣ у проф. Ковалевскаго была сдѣлана вполне правильно; ибо по исторіи, общей и русской, Л. Н. Толстой, по его собственному воспоминанію, «ничего не зналъ», а по статистикѣ и географіи «еще меньше». Въ своемъ воспоминаніи о второмъ изъ этихъ неудачныхъ экзаменовъ онъ поясняетъ, что это значитъ «еще меньше знать» по статистикѣ и географіи—меньше полного незнанія по исторіи; это значитъ—«ничего не знать» о «Франціи», о которой былъ предложенъ вопросъ, и ничего не отвѣтить экзаменовавшему даже въ случаѣ, когда тотъ, будучи «знакомымъ» семьѣ, въ которой жилъ Л. Н. Толстой, «очевидно, хотѣлъ выручить» экзаменовавшагося.

Самъ попечитель Мусинъ-Пушкинъ, вмѣшавшійся въ экзамень, хотѣлъ, по словамъ Л. Н. Толстого, быть этимъ благодѣтелемъ, но на его вопросъ о приморскихъ городахъ Франціи послѣдовало молчаніе: «Я ни одного не могъ назвать», говоритъ Л. Н., заключая свою замѣтку о своей неудачѣ на означенныхъ экзаменахъ. Этой неудачи, въ связи съ неблестящей оцѣнкой познаній въ латинскомъ языкѣ, было достаточно, чтобы Л. Н. Толстому отказать въ приѣмѣ въ студенты, не смотря на хорошія, обнаруженныя имъ, познанія въ русскомъ языкѣ и словесности, логикѣ, математикѣ и англійскомъ языкѣ (4) и отличныя—во французскомъ (5+) и нѣмецкомъ, а также въ арабскомъ и турецко-татарскомъ (по 5), т. е. въ предметахъ выбранной имъ специальности. Весьма благопріятная оцѣнка познаній Л. Н. Толстого въ предметахъ, коимъ онъ преимущественно собирался посвящать свои занятія въ казанскомъ университетѣ, вѣроятно, и удержала его на той же специальности послѣ перваго экзаменаціоннаго провала.

По прошенію допущенный ректоромъ университета Лобачевскимъ къ «дополнительному экзамену», Л. Н. Толстой въ осеннемъ семестрѣ (1844 г.) былъ зачисленъ своекоштнымъ студентомъ по разряду «арабско-турецкой словесности»¹⁾. Нача-

¹⁾ Изъ бумаги правленія университета отъ 5 октября 1844 г. видно, что принятіе гр. Л. Толстого въ 1-е отд. философскаго ф-та по разряду арабско-турец. словесности состоялось 3-го октября (Арх. Казанск. унив., дѣла канцеляріи инспект. студентовъ. Лит. Т., № 251).

лась студенческая жизнь Л. Н. Толстого. Учебные итоги ея выяснились на полугодичномъ испытаніи того же 1844—45 уч. года: Л. Н. Толстой получилъ неудовлетворительный балъ (2) по одному изъ предметовъ своей специальности—по арабскому языку и не явился на экзаменъ по исторіи общей литературы, выдержалъ же его лишь по церковно-библейской исторіи всего на 3 и французскому языку—на 5; оба эти послѣдніе предметы были извѣстны Л. Н. Толстому съ дѣтства, по церковно-библейскую исторію онъ, очевидно, началъ уже забывать въ своемъ юномъ философскомъ настроеніи, а во французскомъ языкѣ, входившемъ въ кодексъ обязательныхъ предметовъ для челоѣка *comme il faut*, не могъ, конечно, разучиться, хотя бы и не ходилъ на лекціи по этому предмету. Вообще, внимательности къ лекціямъ въ 1-ый годъ своего ученія въ казанскомъ университетѣ Л. Н. Толстой не обнаружилъ, о чемъ свидѣлствуютъ баллы въ графѣ—«прилежаніе»: 2—по арабскому языку и церковно-библейской исторіи и 3—по французскому языку. На основаніи такихъ итоговъ полугодичнаго пребыванія въ университетѣ, Л. Н. Толстой не былъ допущенъ къ весеннимъ переходнымъ экзаменамъ и оставленъ въ 1-мъ курсѣ еще на годъ, при поведеніи, аттестованномъ всего-навсего четверкой. Послѣ этого второго экзаменаціоннаго провала Л. Н. Толстой уже не пожелалъ остаться на выбранной имъ специальности—«арабско-татарской словесности», ибо, какъ показываетъ баллъ по арабскому языку на полугодичномъ испытаніи, не подвинулся впередъ въ этой отрасли ориенталистики. Можно, конечно, задаться вопросомъ, почему онъ ее избралъ при поступленіи въ университетъ. Біографъ Л. Н. Толстого отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ видѣ предположенія о дипломатической карьерѣ, которую яко-бы предназначалъ для себя Л. Н.; но, можетъ быть, онъ былъ и не такъ предусмотрителенъ, а просто, съ одной стороны, желалъ быть самостоятельнымъ по отношенію къ братьямъ, которые всѣ одинъ за другимъ поступали на математическое отдѣленіе философскаго факультета, а, съ другой стороны, поклонникъ съ ранней юности цѣлесообразности («о цѣли философіи» и т. под.), Л. Н. Толстой могъ зачислиться на разрядъ арабско-татарской словесности и потому, что онъ поступалъ въ казанскій университетъ: на Востокъ Россіи, въ татарской Казани, всего, де, цѣлесообразнѣе изучать татарскій и арабскій языки. Во всякомъ случаѣ, едва ли какая-либо серьезная программа дальнѣйшей жизни связывалась у Л. Н. Толстого съ его неудачно окончившейся попыткой изучить арабско-татарскую словесность: иначе, въ его дневникахъ и воспоминаніяхъ нашлись бы опредѣленные указанія

на этотъ счетъ. Какъ бы тамъ однако ни было, а желанія проникнуть дальше того, что Л. Н. узналъ по арабскому языку при подготовкѣ въ студенты, у него, когда онъ сдѣлался студентомъ, не обнаружилось, и онъ, даромъ потерявъ годъ, повидимому, легко, безъ борьбы съ собой, замѣнилъ прежде избранную специальность другою, ничего общаго не имѣющею съ первой. Въ октябрѣ 1845—46 уч. года Л. Н. Толстой перешелъ на юридическій факультетъ. Въ концѣ этого же года, по собственному позднѣйшему свидѣтельству Л. Н. Толстого, онъ «въ первый разъ сталъ серьезно заниматься». Онъ заинтересовался энциклопедіей права и уголовнымъ правомъ. Помимо лекцій по этимъ предметамъ, вниманіе юнаго студента Толстого было привлечено собесѣдованіями, которыя устраивалъ на лекціяхъ профессоръ уголовного права Фогель, при чемъ собесѣдованіе о смертной казни «очень заинтересовало» Л. Н. Толстого, какъ онъ самъ отмѣтилъ на рукописи его біографіи, составленной П. Бирюковымъ.

Сверхъ всего этого, Л. Н. Толстой приступилъ и къ первой своей чисто научной «работѣ» на тему, данную ему профессоромъ гражданского права Мейеромъ: «сравнить *Esprit des lois* съ «Наказомъ» Екатерины», «и эта работа», свидѣтельствовалъ уже въ глубокой старости Л. Н. Толстой, «очень заняла меня». Эти, «серьезныя занятія» въ концѣ учебнаго года, вѣроятно, и дали Л. Н. Толстому возможность благополучно выдержать весенніе экзамены и перейти на второй курсъ, несмотря на то, что полугодичное испытаніе и въ юридическомъ факультетѣ у Льва Николаевича какъ будто бы опять скорѣе обѣщало оставленіе на второй годъ; въ самомъ дѣлѣ, лишь по исторіи римскаго права да по нѣмецкому языку, который, какъ и французскій, былъ извѣстенъ Льву Николаевичу съ дѣтства, онъ получилъ высокіе баллы (4 и 5, при 2 за прилежаніе), а по остальнымъ предметамъ или получилъ баллъ 2—по теоріи словесности и общей исторіи,—или совсѣмъ не экзаменовался—по Богословію и русской исторіи. На весеннихъ же испытаніяхъ Л. Н. Толстой получилъ удовлетворительный баллъ (3) по исторіи общей и русской, теоріи краснорѣчія и нѣмецкому языку, хорошій (4) по энциклопедіи права, исторіи римскаго права и латинскому языку и отличный (5)—по логикѣ и психологіи,—и этотъ благоприятный результатъ весеннихъ экзаменовъ вовсе не «загадоченъ», онъ зависѣлъ не отъ «слѣпотаго случая» и не отъ экзаменаторскаго «послабленія родовитому студенту», а, вопреки предположенію Н. П. Заго-скина ¹⁾, именно отъ самаго Л. Н. Толстого, принявшагося въ

¹⁾ Цитир. статья въ «Историч. Вѣстн.», стр. 117.

концѣ учебнаго года, «серьезно заниматься» и быстро, со свойственнымъ ему увлеченіемъ, заполнившаго тѣ пробѣлы, которые образовались въ его университетскихъ познаніяхъ въ теченіе второго года его пребыванія въ университетѣ. Тѣмъ не менѣе 3-й годъ студенчества Л. Н. Толстого оказался для него послѣднимъ. Январскіе полугодичные экзамены, очевидно, внушили Л. Н. Толстому мысль, что лучше выйти изъ университета, чѣмъ оставаться на второй годъ на второмъ курсѣ юридическаго факультета. Дѣйствительно, хотя по русскому государственному праву и по энциклопедіи права талантливый и знающій Станиславскій поставилъ Л. Н. Толстому хорошій баллъ (4), прилежаніе его этимъ же профессоромъ оцѣнено балломъ 2; не мудрено, послѣ этого, что тотъ же баллъ за прилежаніе, былъ поставленъ Л. Н. Толстому по предметамъ, по которымъ его познанія были аттестованы балломъ 2,—по исторіи русскаго гражданскаго права профессоромъ Мейеромъ и по теоріи уголовного права профессоромъ Фогелемъ; по остальнымъ предметамъ, входившимъ въ составъ годичнаго испытанія, Л. Н. Толстой уже не экзаменовался, при чемъ въ вѣдомости по нѣмецкому языку, вмѣсто отсутствующаго экзаменаціоннаго балла, написано: «не ходилъ на лекціи», а въ вѣдомостяхъ по общей и русской исторіямъ написано: «весьма лѣнивъ». Послѣднюю аттестацію выдалъ Л. Н. Толстому профессоръ Н. А. Ивановъ, очевидно, тоже за нехождение на его лекціи, за что Л. Н-чу даже довелось съ сутки провести въ университетскомъ карцерѣ. Повидимому, и самъ Толстой понималъ, что дальше въ университетѣ онъ не можетъ учиться, и потому въ апрѣлѣ 1847 г., до начала весеннихъ экзаменовъ, вышелъ изъ числа студентовъ»¹⁾ «по разстроенному здоровью и домашнимъ обстоятельствамъ», какъ онъ заявилъ въ своемъ прошеніи, написанномъ собственноручно (тогда, какъ прошеніе о принятіи въ студенты было написано и подписано за Л. Н. Толстого другимъ лицомъ). Въ свидѣтельствѣ, которое изъ изъ университета получилъ Л. Н. Толстой, аттестація его познаніемъ въ наукахъ была дана соотвѣтственно тѣмъ успѣхамъ, которые имъ были обнаружены при переходѣ изъ перваго курса юридическаго факультета на второй, а успѣхи его на второмъ были объявлены неизвѣстными, на томъ, основаніи, что «годичныхъ испытаній еще не было». Поведеніе Л. Н.

¹⁾ Въ бумагѣ правленія унив., подписанной однимъ изъ декановъ—Каземъ-Бекомъ, отъ 19 апр. 1847 г., сказано: «Своекоштнаго студента юридическаго факультета 2 курса графа Льва Толстого, согласно прошенію, по домашнимъ обстоятельствамъ (о разстроенномъ здоровьѣ умолчено), правленіе университета, изъ числа студентовъ уволивъ, сообщаетъ о семъ, для свѣдѣнія, оному факультету» (Арх. Каз. Универ., 1847 г., № 3).

Толстого, наоборотъ, было «извѣстно» университетскимъ властямъ за все время его пребыванія въ университетѣ, и оно было аттестовано, какъ «отлично-хорошее». Такъ самый младшій изъ братьевъ Толстыхъ, котораго впоследствии ждала столь великая судьба, въ самомъ началѣ своей сознательной жизни явился неудачникомъ на поприщѣ пріобрѣтенія университетскаго диплома, даже такого скромнаго, какой пріобрѣли его старшіе братья,—диплома «дѣйствительнаго студента».

Причины этой университетской неудачи Л. Н. Толстого прежде всего заключаются въ немъ самомъ, въ томъ, что онъ былъ слишкомъ своеобразенъ и еще болѣе въ томъ, что онъ слишкомъ старался выдѣлиться изъ ряда другихъ людей и въ этомъ стремленіи былъ очень нетерпѣливъ. Такимъ его дѣлалъ аналитическій складъ его ума, склоннаго въ дедуктивному методу мышленія, и потому тяготѣвшаго къ выводамъ изъ общихъ посылокъ, казавшихся ему непреложными истинами; исходя изъ таковыхъ Л. Н. Толстой быстро находилъ объясненія и опредѣленія для тѣхъ или другихъ частныхъ явленій и цѣлыхъ рядовъ ихъ. Эти спекулятивные приемы мышленія, иногда сбивавшагося, при недостаткѣ знаній, на простое резонерство, какъ нельзя лучше гармонировали съ крайне живымъ темпераментомъ Л. Н. Толстого, стремившагося познавать истину безъ длинныхъ проволочекъ. Университетская же наука требовала медленнаго, систематическаго труда, большого запаса терпѣнія и умственной выдержки, т. е. какъ разъ того, къ чему не лежали ни умъ, ни сердце Л. Н. Толстого. И потому лишь только онъ перешагнулъ университетскій порогъ, какъ для него начались разочарованія. Единица по всѣмъ отдѣламъ исторіи, полученная Львомъ Николаевичемъ на вступительныхъ экзаменахъ и двойка по общей исторіи, полученная имъ на полугодичномъ испытаніи во время перваго года пребыванія на юридическомъ факультетѣ, нанесли, повидимому, наиболѣе тяжкую рану громадному самолюбію Толстого. Онъ никогда не забывалъ своего историческаго провала, о чемъ свидѣлствуютъ его позднѣйшія, не совсѣмъ точныя, воспоминанія объ этомъ ¹⁾, а во время своего студенчества пересталъ посѣщать лекціи по исторіи, сейчасъ же найдя и теоретическое обоснованіе практически-отрицательному отношенію своему къ этому предмету. «Исторія», говорилъ Л. Н. Толстой своему компаньону по отбыванію карцернаго наказанія, «Исторія это не что иное какъ собраніе басенъ и бесполезныхъ мелочей, пересыпанныхъ массой ненужныхъ цифръ и собственныхъ именъ.

¹⁾ Сочиненія гр. Л. Н. Толстого. Москва, 1886 г., 133—134.

Смерть Игоря, змѣя, ужалившая Олега, что же это какъ не сказки, и кому нужно знать, что второй бракъ Іоанна на дочери Темрюка совершился 21 августа 1562 г., а четвертый на Аннѣ Алексѣевнѣ Колтовской, въ 1572 г.»... «А какъ пишется исторія? продолжалъ юный критикъ: «Все пригоняется къ извѣстной мѣркѣ, измышленной историкомъ» и проч. Это и подобное говорилъ студентъ, отсиживавшій въ карцерѣ за нехожденіе на лекціи исторіи; но не забудемъ и того обстоятельства, что профессоръ Ивановъ, ихъ читавшій и бывшій весьма способнымъ оттолкнуть отъ себя Л. Н. Толстого своимъ строгимъ требованіемъ знанія историческихъ мелочей, не могъ въ той же мѣрѣ привлекать своими элементарными въ научномъ отношеніи чтеніями столь оригинальнаго и философски настроеннаго юношу, какимъ былъ тогда Л. Н. Толстой; онъ желалъ понять, «какъ и почему» происходитъ въ исторіи, знать причины, напр., глубокихъ психологическихъ перемѣнъ въ историческихъ характерахъ, а слышалъ красивое, но напыщено-холодное изложеніе однихъ событій въ устряловскомъ стилѣ. Послѣднимъ онъ не удовлетворялся, и такимъ образомъ его самолюбіе, оскорбленное непризнаніемъ его оттого, что онъ не могъ «задалбливать» все требуемое, находило себѣ опору въ его критически развивавшемся сознаніи, что все это не то, что все это—никому не «нужное»... И Л. Н. Толстой быстро проникся убѣжденіемъ, что «чрезвычайно глупо и даже не *somme il faut* стараться быть «первымъ», а надо такъ «держаться» въ университетѣ, какъ держатся свѣтскіе люди: «ни слишкомъ дурно, ни слишкомъ хорошо». ¹⁾ Значитъ, въ данномъ случаѣ, кромѣ размышленія и оцѣнки университетскаго преподаванія съ общихъ точекъ зрѣнія, на помощь студенту—Л. Толстому приходило ему стремленіе быть свѣтскимъ, *somme il faut*. Тѣмъ болѣе, что образецъ свѣтскости былъ у него предъ глазами: это его братъ Сергѣй, красивый и ловкій молодой человѣкъ, уравновѣшенный повѣса и любитель женщинъ, имѣвшій у нихъ легкій успѣхъ и вообще умѣвшій вести себя въ обществѣ, какъ было принято въ его кругу. Страстная природа Льва Николаевича, его желаніе имѣть тотъ же свѣтскій успѣхъ влекли его къ подражанію этому своему брату, покорявшему его своему вліянію особенно тѣми качествами, которыхъ не было у самого Льва Николаевича,—пріятною наружностью, спокойною развязностью и самоувѣренностью свѣтскаго человѣка; словомъ, не серьезно-вдумчивый и мечтательный братъ Николай, котораго Левъ Николаевичъ уважалъ, и не опростившійся мистикъ

¹⁾ Сочиненія Л. Н. Толстого, I, 274.

братъ Дмитрій, къ которому онъ относился съ полутрогательнымъ и полунасмѣшливымъ недоумѣніемъ, были людьми *comme il faut* въ тогдашнихъ глазахъ Льва Николаевича, а великолѣпный жуиръ братъ Сергѣй, на котораго онъ желалъ во всемъ походить. Къ этому, кажется, побуждало юнаго философа въ особенности то обстоятельство, что, при всемъ его самоуглубленіи, ему трудно было устоять предъ смазливымъ женскимъ личикомъ; влюбчивость влекла его въ «свѣтъ», на «губернскіе балики», послѣ которыхъ еще скучнѣе казались университетскія лекціи, и не хотѣлось сидѣть за подготовкой къ университетскимъ репетиціямъ и экзаменамъ, въ своей «комнаткѣ около хоръ». Отсюда комильфотность Льва Николаевича-студента, стоившая ему очень большихъ усилій, при его застѣнчивости и неуклюжести, и все-таки, не приносившая ему полного удовольствія, ибо она, въ концѣ концовъ, соединялась съ довольно горькимъ утѣшеніемъ, тѣмъ самымъ, которымъ приходилось утѣшаться его маленькому герою,—что, де, при некрасивости его лица, у него все-таки «умная рожа». Последнее прилагательное тоже требовалось оправдать,—и отсюда тѣ «умныя» тирады барышни на балу, о которыхъ Левъ Толстой вспоминаетъ въ своей повѣсти о «Юности». Однако живость характера брала свое, и юный философъ, по достоинству оцѣнивъ подобнаго рода бальныя свои выступленія, начиналъ проще смотрѣть на вещи и, уже не мудрствуя лукаво, съ головой погружался въ водоворотъ свѣтской губернской жизни. Онъ не только танцевалъ на многочисленныхъ балахъ и «баликахъ», но и «катался съ горъ съ барышнями», бывалъ въ маскарадахъ, участвовалъ въ любительскихъ спектакляхъ и живыхъ картинахъ. Въ 1846 г. живыя картины были поставлены въ актовомъ залѣ казанскаго университета; зрѣлище было благотворительное—въ пользу двухъ бѣдныхъ воспитанницъ Родіоновскаго института, «и стеченіе публики», сообщаетъ хроникеръ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», «было самое многочисленное, невиданное доселѣ»... Отъ него же мы узнаемъ, что студентъ Левъ Толстой былъ занятъ въ одной изъ 19 картинъ, называвшейся «Предложеніе жениха», въ которой Л. Толстой изображалъ «жениха» и былъ «чрезвычайно наивенъ», по свидѣтельству того же хроникера. Успѣхъ Льва Николаевича въ подобныхъ увеселеніяхъ льстилъ его самолюбію, и онъ съ большимъ увлеченіемъ предавался этой жизни, чѣмъ даже его братъ Сергѣй, все же державшійся и въ университетѣ «не слишкомъ дурно» и потому кончившій въ немъ курсъ. Младшій братъ, хотя и философъ, совершенно забывалъ университетъ ради этой жизни, дарившей его и такими бальными эмоціями,

какихъ онъ не забылъ до старости и описалъ ихъ въ повѣсти «Послѣ бала», напечатанной послѣ его смерти. И тогда, въ пору студенчества Л. Н. Толстого, и потомъ, на самомъ закатѣ его дней, жизнь казанскаго великосвѣтскаго общества представлялась ему милой и привлекательной; поэтому онъ рѣшительно отвергъ набросанную историкомъ ¹⁾ характеристику отрицательнаго отношенія къ этой жизни со стороны Л. Толстого-студента яко бы «инстинктивно чувствовавшаго» къ ней протестъ: «Никакого протеста», говоритъ Л. Н. Толстой въ замѣткѣ, сдѣланной при просмотрѣ рукописи его біографіи, я не чувствовалъ, а очень любилъ веселиться въ казанскомъ, тогда очень хорошемъ обществѣ». Въ то время, когда это писалось, Л. Н. Толстой былъ даже «очень благодаренъ судьбѣ за то, что первую молодость провелъ въ средѣ, гдѣ можно было», говоритъ онъ въ той же замѣткѣ, «смолоду быть молодымъ, не затрагивая непосильныхъ вопросовъ и живя хоть и праздною, роскошною, но не злою жизнью». Очевидно, объ этой жизни у Л. Н. Толстого сохранились очень пріятныя воспоминанія, значительно болѣе пріятныя, чѣмъ о казанскомъ университетѣ. Въ ту же пору, когда со свойственною ему страстностью онъ увлекался этою жизнью, ему, вѣроятно, не былъ противенъ тотъ педагогическій афоризмъ, который высказывался тогда его казанской тетушкой, — «чистѣйшимъ существомъ», что «rien ne forme un jeune homme, comme une liaison avec une femme comme il faut». Это было мнѣніе его сословной среды, власть которой еще долго и послѣ того чувствовалъ на себѣ Л. Н. Толстой, пока не обрушился съ бичеваніемъ на тѣ «годы» въ своей «Исповѣди»; и если во время казанской своей жизни Левъ Николаевичъ лично не провѣрилъ справедливости приведеннаго афоризма, то это зависѣло не отъ его доброй воли. То, что зависѣло вполне отъ его воли, онъ все испыталъ во время своего студенчества. Увлекаясь окружавшей его средой, онъ временами и кутилъ съ аристократами-студентами, которые естественно пили во время кутежей одно шампанское, какъ свидѣтельствовалъ впоследствии Л. Н. Толстой въ своей повѣсти — «Послѣ бала». Въ этой средѣ щеголей и фатовъ существовалъ свой взглядъ на университетъ, какъ на одну изъ скучныхъ жизненныхъ подробностей, которую можно допустить, но къ которой не стоитъ относиться серьезно и которая, во всякомъ случаѣ, не является неизбѣжной и можетъ быть промѣнена на что-нибудь болѣе выгодное и интересное, — на сельское хозяйство или на военную службу. Л. Н. Толстой, бывший тогда плотью отъ плоти и костью отъ костей этой среды, легко усвоилъ себѣ

¹⁾ Загоскинъ. Цитир. статья.

этотъ взглядъ и тѣмъ болѣе отставалъ отъ университетскихъ занятій, побѣждавшихся жизнью, тѣмъ болѣе проникался пренебреженіемъ къ самой университетской наукѣ и становился «весьма лѣнивъ», какъ аттестовалъ его одинъ изъ непризнававшихъ имъ университетскихъ учителей.

Впрочемъ, и другіе его товарищи по университету—не только аристократы, но и простые смертные—не отличались въ тѣ времена особымъ прилежаніемъ. Университетскія экзаменаціонныя вѣдомости, тѣ самыя, въ которыхъ встрѣчаемъ нелестную оцѣнку успѣховъ и прилежанія Л. Н. Толстого, свидѣтельствуютъ вообще о небольшой приверженности къ университетскимъ занятіямъ тогдашнихъ студентовъ: такъ, напр., на полугодичномъ испытаніи по общей исторіи въ январѣ 1846 г. (когда Л. Н. Толстой получилъ 2 по успѣхамъ и 1—по прилежанію) изъ 22-хъ студентовъ лишь одинъ по успѣхамъ получилъ 4, тройки получили 7 студентовъ, двойки—4, единицы—2 и нули—3, а 5 человѣкъ совсѣмъ не явились на экзаменъ; такимъ образомъ неуспѣвавшихъ было большинство, т. е. болѣе 66%, если считать въ числѣ таковыхъ и неприбывшихъ на испытаніе. Профессоръ видѣлъ причину неуспѣшности въ отсутствіи прилежанія, и потому въ той же вѣдомости, въ графѣ по прилежанію, мы не находимъ ни одной даже четверки, всего лишь 2 тройки, но 9 двоекъ, 3 единицы и 3 нуля. Этотъ профессоръ не разъ жаловался факультету на то, «какъ слабы успѣхи» студентовъ и «какъ многіе изъ нихъ «уклоняются отъ репетицій», при чемъ «нерадѣніе» студентовъ выводилъ «главнѣйше» изъ «укоренившагося» въ ихъ головахъ «понятія», что историческія науки «не нужны имъ»; онъ просилъ факультетъ «принять рѣшительныя мѣры, чтобы внушить молодымъ людямъ, какъ неосновательно это понятіе, особенно въ наше время, когда познанія въ исторіи сдѣлались уже не только украшеніемъ, но существенною, необходимою потребностью каждаго образованнаго человѣка». Будучи деканомъ юридическаго факультета, проф. Ивановъ въ той же бумагѣ (отъ 31 янв. 1846 г.), очевидно, давалъ и руководящія мысли для внушенія студентамъ-юристамъ: «Что же надлежитъ думать объ ученомъ направленіи юриста», писалъ онъ, «когда ему не достаетъ начальныхъ историческихъ свѣдѣній даже о своемъ отечествѣ, не говоря уже о другихъ государствахъ. Полагаю также, что юридическіе факультеты въ университетахъ имѣютъ назначеніе приготовить для государственной службы не рутеньеровъ, дѣйствующихъ по безотчетному навыку, но ученыхъ знатоковъ правъ; а таковое приготовленіе безъ пособія исторіи невозможно». ¹⁾ Эти замѣ-

¹⁾ Архивъ каз. университета—о полугодичн. испытаніяхъ студентовъ 1846 г., № 4.

чанія даровитаго и строгаго профессора, не утратившія своего поучительнаго смысла и для нашего времени, могли бы явиться хорошимъ коррективомъ къ тѣмъ, можетъ быть, вызваннымъ и недостатками преподаванія, но всетаки довольно легкомысленнымъ сужденіямъ объ исторіи, которыми студентъ-юристъ Л. Толстой поучалъ въ карцерѣ своего товарища по заключенію. Но не одними «историческими науками» тогдашніе студенты-юристы занимались плохо: и тѣ предметы, которыхъ даже «юристы» той поры не рѣшились бы считать для себя «не нужными», находились не въ лучшемъ положеніи касательно студенческихъ успѣховъ и прилежанія. Несомнѣнная беззаботность большинства студентовъ того времени по отношенію къ университетской наукѣ и преподаванію едва-ли могла быть разсѣяна какими либо увѣщаніями. Это было вполне законмѣрнымъ явленіемъ, которое обусловливалось тѣмъ, что въ ту эпоху въ русскихъ университетахъ еще не было студенческой интеллигенціи, какъ болѣе или менѣе значительнаго по числу и вліянію слоя студенчества. Самъ Л. Н. Толстой устами героя своей повѣсти, бывшаго студентомъ, какъ легко догадаться, въ Казани («Послѣ бала») свидѣтельствуешь: «не было у насъ въ то время въ нашемъ университетѣ никакихъ кружковъ, никакихъ теорій, а были мы просто молоды и жили, какъ свойственно молодости: учились и веселились». Такимъ положеніемъ вещей и характеризовалось отсутствіе въ университетѣ настоящей, идейно настроенной, студенческой интеллигенціи, которая только и можетъ давать повышенный тонъ жизни студентовъ, направлять многихъ изъ ихъ среды къ серьезному углубленію въ науку. Тогдашніе же студенты, особенно провинціального университета, en masse чувствовали себя «просто» «молодыми людьми», проходившими скучный, непріятный, но неизбѣжный стажъ для государственной службы; ибо большинство изъ нихъ были истинными дѣтьми своихъ отцовъ, чиновниковъ и людей другихъ сословій, тянувшихъ къ чиновничеству,—все равно какъ студенты-аристократы были истинными дѣтьми своихъ отцовъ, мечтавшихъ для своихъ дѣтей о флигель-адъютанствѣ, почестяхъ и богатствѣ на вершинахъ опять-таки служебной карьеры. Въ результатъ того, что университетъ той поры обслуживалъ интересы опредѣленнаго соціального слоя—служилаго, распадавшагося на высшую дворянскую и низшую дворянско-разночинскую группы, и получалось, что молодые люди во время своего студенчества только «учились и веселились»; но учились, какъ мы видѣли, плохо, и чѣмъ сильнѣе веселились, тѣмъ слабѣе учились.

Стало быть, и въ студенческой массѣ, въ общемъ состояніи

тогдашняго студенчества казанскаго университета Л. Н. Толстой не находилъ моральнаго противодѣйствія той «праздной, роскошной жизни», которою онъ безъ мѣры увлекся въ бытность свою студентомъ и которая и повлекла за собой невозможность для него оставаться въ университетѣ безъ новаго тяжкаго удара его самолюбію. Принадлежа, по своему сословному положенію, къ первой изъ означенныхъ выше группъ, Л. Н. Толстой, поставившій себѣ цѣлью быть прежде всего *comme il faut*, естественно съ извѣстнымъ пренебреженіемъ относился ко второй группѣ, т. е. къ большинству студенчества. Но чувствуя себя по своимъ умственнымъ силамъ, по своему философскому настроенію и по замысламъ, поднимавшимся въ его богатомъ воображеніи, гораздо выше и своихъ товарищей-аристократовъ, Л. Н. Толстой, веселясь съ ними, не находилъ себя вполне подходящимъ и для ихъ общества, считалъ (какъ это видно изъ повѣсти о «Юности») «этихъ господъ» «глупыми», а потому у него тѣмъ скорѣе и прочнѣе создалось рѣшеніе покончить съ казанскимъ университетомъ и вмѣстѣ съ нимъ и со всею своею казанскою жизнью, пріятною для него, но несовмѣстимою ни съ университетскими занятіями, ни съ дальнѣйшими его планами.

Психологическія послѣдствія пребыванія Л. Н. Толстого въ казанскомъ университетѣ.

Пребываніе въ казанскомъ университетѣ оставило въ душѣ Л. Н. Толстого горькій осадокъ. Въ извѣстной мѣрѣ тутъ говорило обиженное учебными неудачами весьма чувствительное самолюбіе Льва Николаевича. Это замѣтно по тому, какъ онъ изображалъ профессоровъ въ повѣсти о «Юности»: тотъ, который поставилъ герою повѣсти 5, имѣлъ «умное выраженіе», а поставившій двойку имѣлъ «гадкій выговоръ» и вообще изображается исключительно отрицательными чертами. 1) Высокомѣрное отношеніе Льва Николаевича къ университетскимъ профессорамъ и профессорскимъ лекціямъ нашло себѣ мѣсто не только въ этой повѣсти, но и въ позднѣйшихъ его разсужденіяхъ о воспитаніи и образованіи 2). «Новаго, чего-нибудь такого, чего не могутъ узнать изъ книгъ студенты, они не узнаютъ отъ профессоровъ», утверждалъ въ послѣдствіи Л. Н. Толстой; при этомъ, помня, очевидно, только о нелестной оцѣнкѣ его прилежанія профессоромъ Ивановымъ, совершенно неправильно приписывалъ ему свой переходъ съ перваго курса на второй, случившійся яко бы

1) Сочиненія Л. Н. Толстого, цит. изд. I, 269, 271—273.

2) Сочиненія. I, I, 388; IV, 132—135.

потому, что этотъ профессоръ «поссорился предъ тѣмъ» съ его, Л. Н. Толстого, «домашними». ¹⁾ Спокойнаго и безпристрастнаго отношенія лично къ нему преподавателей казанскаго университета, въ томъ числѣ, вѣроятно, и проф. Иванова, Л. Н. Толстой, предполагавшій обратить на себя особенное вниманіе, ²⁾ не могъ никогда имъ простить и потому навсегда забраковалъ профессорскія лекціи, какъ одинъ изъ источниковъ образованія: таково было сразу бросающееся въ глаза психологическое послѣдствіе формально неудачнаго пребыванія Л. Т-го въ казанскомъ университетѣ.

Въ глубокой старости, просматривая рукопись своей біографіи (составл. П. Бирюковымъ) и остановившись предъ вопросомъ о преждевременномъ оставленіи имъ университета, Л. Н. Толстой отвѣтилъ на этотъ вопросъ такъ: «Причинъ выхода моего изъ университета было двѣ: 1) что братъ кончилъ курсъ и уѣзжалъ; 2) какъ это ни страшно сказать, работа съ «Наказомъ» и «*Esprit des lois*» (она и теперь есть у меня) открыла мнѣ новую область умственнаго самостоятельнаго труда, а университетъ со своими требованіями не только не содѣйствовалъ такой работѣ, но мѣшалъ ей». Что касается первой причины, то, конечно, это лишь побочное благопріятное условіе для приведенія въ исполненіе уже назрѣвавшаго рѣшенія, самое большее—внѣшній толчекъ къ этому исполненію: братъ уѣзжалъ изъ Казани—удобно уѣхать и Льву Николаевичу, ибо по его убѣжденію, ему не зачѣмъ здѣсь оставаться. Вторая причина одна изъ двухъ серьезныхъ, настоящихъ причинъ выхода Льва Николаевича изъ университета. Онъ считалъ эту причину даже «самой главной» и своему нѣмецкому біографу пояснилъ, что онъ, по свойствамъ своего характера, могъ заниматься только тѣмъ, что его интересовало, и только этимъ однимъ, а уже ничѣмъ другимъ: «Я горячо отдавался всему», рассказывалъ Левъ Николаевичъ Толстой своему нѣмецкому біографу, — «читалъ безконечное количество книгъ, но все въ одномъ и томъ же направленіи. Когда меня интересовывалъ какой-нибудь вопросъ, то я не уклонялся отъ него ни вправо, ни влево и старался познакомиться со всѣмъ, что могло бросить свѣтъ именно на этотъ одинъ вопросъ». Рано опредѣлившаяся пытливая вдумчивость и выходящая изъ ряда вонъ способность глубоко проникаться умственными переживаніями неизбежно вели къ этой односторонности, которую призналъ въ себѣ самъ Левъ Николаевичъ и которая, разумѣется, была несовмѣстима съ требованіями регулярнаго университетскаго ученія. Лекціи

¹⁾ Сочиненія. IV, 133 и 135.

²⁾ Сравн. въ сочин., I, 261—266.

и подготовка къ экзаменамъ забывались ради самостоятельнаго умственного труда, подобно тому, какъ эти скучныя вещи забывались для другого, тоже слишкомъ односторонне выражавшагося у Л. Н. Толстого, увлеченія свѣтскою жизнью, бывшаго едва ли не главнѣйшею причиною выхода его изъ университета.

Но мы уже знаемъ, что въ казанскомъ университетѣ были профессора, у которыхъ можно было поучиться при желаніи основательно и всесторонне изучить какую-либо спеціальность, и дѣйствительно, на томъ же факультетѣ, на который впервые поступилъ Л. Н. Толстой, нашлись и въ тѣ времена люди, успѣшно изучавшіе восточныя языки, люди, изъ которыхъ вышли замѣчательные, приобрѣтшіе почетную извѣстность ученые оріенталисты, таковъ, напр., И. Н. Холмогоровъ, кончившій курсъ въ казанскомъ университетѣ въ 1841 г., или знаменитый впослѣдствіи синологъ Василій Васильевъ, воспитанникъ казанскаго университета, удостоившійся отъ него, при самомъ началѣ своего ученаго поприща, чрезвычайно лестной аттестаціи ¹⁾.

Казанскій университетъ той эпохи можетъ насчитать и еще нѣкоторыхъ своихъ воспитанниковъ, потомъ ставшихъ европейскими учеными, каковы астрономъ М. А. Ковальскій, химикъ А. М. Бутлеровъ, поступившій въ казанскій университетъ чрезъ годъ послѣ поступленія Л. Н. Толстого. Правда, эти люди (число которыхъ можно увеличить еще цѣлымъ рядомъ почтенныхъ именъ), какъ будто бы и терявшіеся въ общей безразличной къ наукѣ массѣ тогдашняго студенчества, были одиночками, но зато это были настоящіе ученые по призванію, истинные любители науки. Л. Н. Толстой,—философски настроенная, художественная, горячо за все бравшаяся, но скоро остывавшая натура, не принадлежалъ къ этому типу. Въ теченіе года занятій восточными языками Л. Н. Толстой, по его собственному признанію, «очень мало успѣлъ»; современникъ же Н. Н. Буличъ, кажется, довольно близко узнавшій Льва Николаевича, полагалъ, что этихъ занятій «и вовсе не было». ²⁾ Послѣ этого, вполне понятно заявленіе, сдѣланное Л. Н. Толстымъ своему нѣмецкому біографу: «Меня мало интересовало, что читали наши учителя въ Казани». Лучшіе изъ нихъ могли очень интересовать людей, склонныхъ къ настойчивому спеціальному, а не диллетантскому изученію наукъ; но, конечно, не Льва Толстого: онъ самъ почувствовалъ, что не рожденъ быть ученымъ специалистомъ,—и это было другимъ

¹⁾ Обзорѣніе хода и успѣховъ преподаванія азіатскихъ языковъ въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ до настоящаго времени. Состав. орд. проф. Ковалевскимъ. Казань, 1842 г., стр. 22.

²⁾ Е. А. Бобровъ. «Замѣтки» и пр., стр. 67.

отрицательнымъ психологическимъ послѣдствіемъ пребыванія его въ университетѣ...

Однако «мало интересовавшіе» Л. Толстого казанскіе учителя всетаки не прошли для него безслѣдно и въ положительномъ смыслѣ. Вѣдь, та тема («сравнить «Наказъ» съ *Esprit des lois*»), которая заинтересовала-таки Льва Николаевича, была дана ему однимъ изъ лучшихъ казанскихъ профессоровъ, преподаваніе и авторитетъ котораго, очевидно, вліяли и на Л. Толстого, хотя онъ и лѣнился «выдаблывать» требуемое. И изученіе означенной темы не только открыло Льву Толстому неизвѣстную ему область самостоятельнаго умственного труда, но и дало возможность насладиться сознаніемъ силы своей острой критической мысли, мѣтко схватывавшей самые существенные, реальные стороны вопроса и въ данномъ случаѣ приведшей его къ тѣмъ, въ общемъ правильнымъ, выводамъ, что изъ двухъ началъ, заключающихся въ «Наказѣ»—1) революціонныхъ европейскихъ идей и 2) деспотизма и тщеславія самой Екатерины—преобладаетъ второе и что «Наказъ» «принесъ больше славы Екатеринѣ, чѣмъ пользы Россіи». ¹⁾

Далѣе, возможно, что на заинтересовавшихъ его собесѣдованіяхъ по уголовному праву Л. Н. Толстой впервые задумался надъ вопросомъ о смертной казни, и та моральная мѣрка, съ которой трактовалъ онъ этотъ вопросъ впослѣдствіи, можетъ быть, ведетъ свое происхожденіе изъ аудиторіи профессора Фогеля, хотя бы эта мѣрка и была плодомъ самостоятельныхъ размышленій Льва Николаевича. Наконецъ, едва-ли Л. Толстой-студентъ не почувствовалъ на себѣ,—можетъ быть и противъ своей воли,—мощнаго вліянія самага популярнаго профессора въ казанскомъ университетѣ той эпохи—Е. Ф. Аристовъ. Л. Толстой не повѣдалъ намъ объ этомъ, но извѣстно, что онъ далеко не всегда ссылался на свои настоящіе источники. Трудно допустить, чтобы, при томъ обаяніи, какимъ пользовался среди студенчества Аристовъ, Л. Н. Толстой не посѣтилъ ни одной его лекціи и совершенно незаинтересовался этимъ удивительнымъ преподавателемъ и оригинальнымъ человѣкомъ: такое предположеніе было бы слишкомъ не въ пользу Толстого-студента. Смѣло можно предполагать обратное.

Въ самомъ дѣлѣ, напр., тѣ заботы, которыя Л. Толстой прилагалъ къ укрѣпленію и развитію своего тѣла физическими упражненіями, развѣ не навѣяны или, по крайней мѣрѣ, не воодушевлены идеями, высказанными Аристовымъ въ его актовой

¹⁾ П. Бирюковъ. Біографія Л. Н. Толстого, I, стр. 151.

рѣчи о «внѣшности? человѣка». Реалистическое и даже матеріалистическое міровоззрѣніе юнаго Толстого, создавшееся подъ вліяніемъ его философскаго чтенія, въ частности ироническое отношеніе Толстого-студента въ поэзіи, «стихамъ», вѣроятно, тоже находило себѣ опору и во взглядахъ популярнаго анатома, непоколебимо стоявшаго на почвѣ реальной науки и жизни. Но и возвышенный, альтруистическій, юный порывъ состраданія къ истязуемому человѣку, порывъ, отъ котораго поблекла, а потомъ и забылась тонкая, но эгоистическая любовь казанскаго студента къ чистой дѣвушкѣ, дочери истязателя, тотъ порывъ, о которомъ Л. Н. Толстой намъ повѣдалъ въ повѣсти «Послѣ бала»,—едва ли не явился результатомъ незримаго вліянія того университетскаго учителя, вся жизнь котораго была «самой высокой правдой», и который проповѣдывалъ совершенствованіе человѣка разными способами, въ томъ числѣ и въ особенности—черезъ «улучшеніе общественнаго быта». Такимъ намъ представляется положительное психологическое послѣдствіе для Л. Н. Толстого отъ пребыванія его въ казанскомъ университетѣ, послѣдствіе, показывающее не бесплодность этого момента въ жизни Льва Николаевича, но имъ самимъ не учтенное и потому отмѣчаемое нами лишь гипотетически. Но и гипотеза, мнѣ кажется, имѣетъ право на вниманіе при изученіи столь сложной и все еще не вполне понятой личности, какою былъ Л. Н. Толстой, тѣмъ болѣе, такая гипотеза, которая стремится освѣтить наиболѣе темный уголокъ его многогранной, великой души.

Н. Ойрсовъ.